

125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. П. МУСОРГСКОГО

ГЕНИЙ РУССКОЙ МУЗЫКИ

ЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА. Коль скоро идет речь о давно умершем художнике, — обычно повод для того, чтобы воздать должное его памяти, вспомнить его лучшие произведения. В юбилейные дни сочинения композитора больше звучат в концертах, названия пьес драматурга-юбиляра чаще мелькают на театральных афишах, стихи поэта, романы, повести, рассказы, прозаика выходят новыми изданиями... Это наша дань уважения художнику, свидетельство того, что творчество его еще живет, еще волнует нас.

Больше ли звучит музыка Мусоргского сейчас, в марте 1964 года, когда исполняется 125 лет со дня рождения композитора, чем в обычные дни? Не думаю. Ведь она звучит буквально каждодневно и повсюду. Модест Мусоргский — один из первых в ряду тех великих классиков, без произведений которых мы попросту не представляем себе мировой культуры. Дело не только в том колоссальном влиянии, которое оказало его творчество на развитие музыкального искусства. Важнее другое: говоря о Мусоргском, вообще неправомерно употреблять глаголы в прошедшем времени. Здесь все в настоящем, а многое, видимо, принадлежит и будущему. Я затрудняюсь назвать другого из русских классиков, чья музыка продолжала бы оказывать столь устойчивое, столь отчетливо ощутимое воздействие на творческую мысль композиторов. Масштабы процесса еще полностью не обозначились и теперь. Вероятно, будущий историк глубже, яснее, ярче нас увидит причинную связь в том, что именно крупнейший музыкант середины двадцатого столетия Дмитрий Шостакович оказался под сильным влиянием Мусоргского и создал интереснейшие редакции обеих его гениальных народных музыкальных драм, что один из наиболее оригинальных, национально-почвенных русских талантов — Георгий Свиридов стал продолжателем традиций Мусоргского, в частности, в камерных вокальных жанрах.

КАКОВЫ эти традиции? Что именно в музыке Мусоргского воспринимается нами наиболее ярко, какие черты ее с годами все яснее и определеннее выступают на первый план?

Прежде всего — глубочайшая народность языка. Десятки и десятки совершенных образцов симфонически-оперного претворения народной песенности оставила нам русская классика. Но Мусоргский здесь неповторимо самобытен и, быть может, наиболее органичен. Не фольклорная цитата, не ее симфоническое осмысление интересуют его. Ме-

лодия, творимая говором человеческого, — вот что волнует композитора. Мучительные поиски ее увенчались блистательным успехом. «Борис Годунов», «Хованщина», вокальные циклы «Без солнца», «Песни и пляски смерти», многие другие песни и романсы... Сколько во всех этих сочинениях поразительных примеров того, как из интонаций бытовой речи рождается прекрасная, скульптурно-завершенная, неотразимая в своей выразительной силе мелодия!

Именно мелодия, а не заземленный речитатив! «Работой над говором человеческим я добрал до мелодии, творимой этим говором, добрал до воплощения речитатива в мелодии». Цитируются эти слова Мусоргского, сказанные им в процессе работы над «Хованщиной», бесконечно. Но редко подчеркивается конец фразы. А в нем сказано чрезвычайно существенное. Не «похожесть» мелодических попевок на бытовые интонации, даже не жизненная правдивость речитатива, а **воплощение речитатива в мелодии**. Это принципиально иной по сравнению с «Каменным гостем» Даргомыжского качественный уровень. И, кстати говоря, уровень, еще далеко не достигнутый большинством авторов советских опер.

Сама собой такая органичная народность творчества не достигается. Простое копирование фольклорных образов всегда останется копией, холодным слепком оригинала. Художник должен проникнуть в самую душу народа, в его помыслы, чувства и чаяния. Между прочим, великолепно сказал об этом сам Модест Мусоргский: «Не познакомиться с народом, а побрататься жаждался. А вот еще знаменитые его слова: «Народ хочется сделать: сплю и вижу его, ем и помышляю о нем, пью — мерещится мне он, он один цельный, большой, неподкрашенный и без сусального».

Мы знаем, что это не просто фразы. Вся свою жизнь, всю творческую энергию отдал гениальный композитор тому, чтобы стать выразителем в музыке дум и чаяний народных, «сделать» художественные образы его. «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единой идеей. Это — моя задача. Я попытался разрешить ее в опере» — так гласит надпись, сделанная Мусоргским на клавише «Бориса Годунова» в год первой постановки оперы. «Попытка» гениально удалась. «Борис Годунов» не сходит со сцен театров всего мира, потрясая слушателей своей выразительной силой. В золотой фонд мировой классики вошла и «Хованщина» — монументальнейшее творение, к которому, пожалуй, с еще большим основани-

ем применимо название «народная музыкальная драма».

Что общего в этих крупнейших операх Мусоргского? Народность их заключается отнюдь не только в музыкальном языке. Обе они отличаются яркой гражданственностью тематики, страстной публицистичностью в лучшем смысле этого слова. Воссоздавая прошлое, композитор стремился показать прошедшее в настоящем, со всем гневом своего неистового темперамента обличал реакционные силы, восставал против угнетения народных масс. Он ставил важнейшие, наиболее острые, животрепещущие вопросы современности. Таков был Мусоргский и в камерных жанрах, в те годы еще только начинавших подходить к жизненно острому проблематизму. «Светик Савишна», «Сиротка», «Спи, усни, крестьянский сын», «Калистрат» и многие другие романсы несут каждый огромный социально-взрывчатый заряд. Гениальные «Песни и пляски смерти» — один из ярчайших в мировом искусстве протестов против войны, против ее бесчеловечной, антинародной сущности.

Гражданственность, понимание своих задач как художника-борца, художника-трибуна во всем!

«Картинки с выставки». Цикл фортепьянных пьес. Ну здесь-то уж, казалось бы, можно ограничиться колористически-жанровыми зарисовками! Ничуть не было. Расширяя, переосмысляя изобразительные образы Гартмана, послужившие импульсом — первоисточником «Картинок с выставки», Мусоргский написал внешне скромные пьесы, несущие огромную идейно-социальную нагрузку. Напомню хотя бы «Быдло» — воплощение задавленной, скованной народной силой и потрясающую драматизмом пьесу «Два еврея, богатый и бедный», где само название достаточно ясно говорит об образном содержании...

Высокая идейность и художественное мастерство. Оба эти качества, необходимые для подлинного художника-творца, развиты у Мусоргского в самой высшей степени. Никогда не писал он пустячков, не разменивал талант на мелочи. Даже, казалось бы, чисто юмористический «Раек» был для своего времени острейшим сатирическим фельетоном на злобу дня. При этом всегда и во всем мастерство великого композитора необычайно. Давно уже канула в Лету легенда о «музыкальной неграмотности» Мусоргского, нарушавшего то и дело школьные правила голосоведения. Но до конца ли музыковедение проанализировало все закономерности его неповторимо своеобразной музыкальной лексики? Всегда ли мы обращаем должное внимание на виртуоз-

ную отточенность формы его сочинений? Да, виртуозную отточенность! Незавершенность некоторых произведений композитора, вызывающая к жизни различные их редакции, — это совсем другой вопрос.

Оттого, что «Хованщина» не дописана, ее музыкальные образы ничуть не утратили гармоничного совершенства, а драматургия целого — безупречной логики. А сколько тончайших находок, сколько интереснейших, ювелирно отточенных деталей во всех сочинениях композитора! Как свежо звучат и по сей день, без малого через сто лет, многие гармонии Мусоргского. При этом никакой вычурности, ни намека на изощренность, оригинальность ради оригинальности. Все ясно, поражающе просто, как у каждого гения. И никогда нет красоты ради красоты. «Художество должно воплощать не одну красоту; здание тогда хорошо, когда, помимо красивого фасада, прочно и осмыслено, когда чувствуется цель постройки и видна голова художника». Эти слова композитора хорошо передают эстетические требования, которые он предъявлял к искусству и которых придерживался в собственном творчестве.

Есть одна легенда о Мусоргском-композиторе, которая, мне думается, и сейчас требует развенчания. Принято считать, что работал он стихийно, порывами, что систематический труд был ему не по душе. Мы стремимся найти здесь изысканные обстоятельства, видим причину в жизненных трудностях, бытовых неурядицах, сопровождавших творческий путь композитора. Конечно, все это имело место. Кто знает, сколько еще шедевров подарил бы человечеству Мусоргский, если бы не вынужден был большую часть жизни служить департаментским чиновником! Но он и в этих условиях трудился самозабвенно и постоянно! Вспомните, как он пишет о работе над «Хованщиной».

«Работа кипит, хотя и рано переводить на бумагу». Это сказано в 1873 году. И далее, три года спустя: «Все почти сочинено, надо писать и писать». Не ясно ли, что Мусоргский, как и Глинка, подолгу вынашивал каждое произведение и, в сущности, не писал его, а лишь записывал, когда оно было готово? Очевидно, те периоды, когда композитор внешне бездействовал, были полны напряженным трудом по обдумыванию, шлифовке образов, трудом тем более напряженным, что результат его фиксировался на бумаге, лишь отлившись в мозгу в стройную форму...

КОНЧУ ТЕМ, с чего начал. Есть юбилары и юбилары. Одних мы вспоминаем теплым словом в дни юбилеев. Вспоминаем о роли, которую сыграли они в свое время в развитии искусства, обращаем внимание на то, что такие-то их произведения живы и по сей день, близки нам теми-то своими качествами. Другие, немногие, — с нами всегда. Их собственно, и юбиларами не назовешь. Таков, в частности, Модест Мусоргский — хрестоматийный классик лишь в том смысле, что ни одна русская музыкальная хрестоматия немыслима без фрагментов его сочинений. Он весь с нами, в нашей современности. Музыка Мусоргского звучит повсюду и всегда. Ее влияние на советское музыкальное творчество огромно. И долго еще его сочинения будут служить предметом внимательного изучения для композиторов и музыковедов, будут источником ярчайшей художественной радости для миллионов и миллионов слушателей.

И. Н. ПОПОВ.